Девичий мирок (история одной школы)

Автор:
Элизабет Мид-Смит

Девичий мирок (история одной школы)

Элизабет Мид-Смит

После смерти матери Эстер отправляется в школу для девочек. Разлученная с младшей сестрой, оторванная от дома и привычной обстановки, она тяжело привыкает к школьным порядкам. Новые подруги помогают ей освоиться, но со всеобщей любимицей Энни у амбициозной Эстер отношения не складываются.

Тесный школьный мирок потрясают таинственные происшествия. Все улики указывают на Энни, и только Эстер может доказать, что ее соперница невиновна…

Элизабет Мид-Смит

Девичий мирок (история одной школы)

L. T. Meade A World of Girls

© Г. Н. Хондкариан.

Литературная обработка, 2009 © А. Ю. Власова.

Иллюстрации, 2009 © ЗАО «Издательство НЦ ЭНАС», 2009

Предисловие от издательства

Английская писательница Элизабет Томасина Мид-Смит родилась в 1844 году в Ирландии, в семье протестантского священника. Мать девочки рано умерла, и когда отец женился во второй раз, Элизабет отправилась в Лондон. Она упорно занималась в читальном зале Британского музея и самостоятельно подготовила себя к писательской карьере. Первые произведения Элизабет появились в 1861 году, когда ей исполнилось 17 лет.

Наиболее известны ее романы для девочек и женщин, особенно – вышедший в 1886 году под псевдонимом Л. Т. Мид «Девичий мирок», огромная популярность которого фактически породила такой вид литературы, как «школьные романы». Тем не менее она продолжала экспериментировать и в других жанрах: ее перу принадлежат исторические, приключенческие и детективные романы и повести. За свою жизнь Элизабет Мид-Смит опубликовала около 300 произведений, включая короткие рассказы и статьи в журналах. В свои лучшие годы она писала до 10 романов в год.

Роман «Девичий мирок», который мы сегодня предлагаем нашим читателям (вернее, читательницам), был переведен М. А. Лялиной на русский язык в 1900 году. И с тех пор у нас не переиздавался.

Мы решили сохранить прелесть исходного текста, безошибочно передающего атмосферу того времени. Литературная обработка – лишь способ подготовить современного читателя к восприятию хрупкого мира прошлого.

Действие романа разворачивается в английской школе для девочек, куда после смерти матери отец отправляет двенадцатилетнюю Эстер. Непокорному сердцу девочки предстоит привыкнуть к строгим школьным порядкам, познакомиться с новыми подругами и пройти через множество испытаний – чтобы научиться управлять своими эмоциями, осознавать последствия своих поступков, ценить дружбу и преданность.

Глава I

Прощай, прежняя жизнь!

– Нэн хотеть к Этти, – пропел тонкий детский голосок.

– Сегодня нельзя, мисс Нэнси; нельзя, моя радость.

– Нэн хотеть к Этти, – еще настойчивее повторила девочка. И так как ответа не последовало, она лукаво взглянула на няню и незаметно выскользнула в полуотворенную дверь.

Перебежав холл, Нэнси очутилась в комнате сестры. Тут царил полный беспорядок: постель была не прибрана, вещи разбросаны; но самой Этти в комнате не было.

Вернувшись в холл, малышка позвала:

– Этти! Этти!

Она поглядывала на дверь детской в ожидании погони. Но няня не появлялась. Тогда девочка, сообразив, что сестра, вероятно, находится внизу, храбро начала спускаться с лестницы[1 - Детские комнаты в английских домах располагались, как правило, на верхнем этаже.].

Одолев это сложное препятствие, Нэнси снова позвала сестру. Одна из дверей отворилась, и на пороге появилась девочка лет двенадцати в глубоком трауре.

– Ты сама нашла меня, мое сокровище! Какая ты умница! Иди, моя дорогая, я дам тебе покушать.

– Нэн хотеть сухалик.

Пока пухлые ручки обнимали шею сестры, быстрые глазки оглядывали стол, отыскивая чего-нибудь вкусное.

– Вот тебе два сухарика. Сядь ко мне на колени, Нэн, и посмотри мне в глаза. Ты меня любишь?

– Нэн любить Этти.

– А Этти уезжает. Долго, очень долго я не увижу тебя, мое золото; но душа моя будет с тобой. Я стану думать о тебе днем и ночью. Я люблю тебя больше всего на свете, Нэнси. А ты не забудешь меня?

– Нэн не забудет. Нэн хотеть сухалик, Этти.

– Дам, дам; и сахару дам. Обними меня покрепче, еще крепче. Вот тебе два кусочка. Хоть сахар тебе и вреден, но пусть уж сегодня будет твой праздник. Ведь нам недолго оставаться вместе, и я хочу дать тебе все, чего бы ты ни пожелала.

Цепкие пальчики Нэнси немилосердно мяли креповую оборку траурного платья сестры. Набитый сахаром ротик не мешал девочке повторять:

– Сахал, сахал, Нэн любить сахал.

Появилась няня и положила угощению конец.

– Ах, маленькая плутовка! Нашла-таки дорогу. Зачем вы даете ей сахар, мисс Этти? Ведь знаете, что он ей вреден. Фуй, мисс Нэнси, какие у вас грязные ручки. Глядите, мисс, она совсем смяла ваше платье.

– Ничего, няня. Я дала ей всего два или три кусочка. Мне так хотелось, чтобы она приласкала меня. Теперь иди к няне, Нэнси. Возьмите ее, няня. Боюсь, что расплачусь, если она останется тут.

Няня взяла малышку на руки.

– Прощайте, мисс. Старайтесь быть умницей в школе[2 - В Англии школами назывались все средние учебные заведения.]. Поверьте, там не так дурно, как кажется.

– Прощайте, няня. Ах, папа зовет меня. Сейчас, сейчас!

И, схватив перчатки, Этти побежала к двери. Сэр Торнтон, высокий мужчина, суровый на вид, ожидал ее в прихожей, застегивая пальто. Экипаж стоял у подъезда. Минуту спустя он уже вез Эстер и ее отца к железнодорожной станции. Когда аллея оказалась позади и милый старый дом скрылся из вида, Эстер откинулась на подушки и закрыла глаза. Все, что ей было дорого, осталось в прошлом. Впереди ее ожидал чужой мир и чужие люди.

Сердце девочки сжалось. Она взглянула на отца – тот невозмутимо читал газету.

Наконец они добрались до станции. Сэр Торнтон посадил дочь в дамское купе первого класса, вручил ей билет и воскресную газету.

– Кондуктор позаботится о тебе, Эстер, – сказал он. – На каждой станции он будет заходить и приносить из буфета все, что тебе потребуется. Поезд доставит тебя прямо в Сефтон, там миссис Виллис встретит тебя или кого-нибудь пришлет за тобой. Прощай, моя девочка. Старайся быть умницей, укрощай свой нрав…

Не успел он договорить, как Эстер обвила руками шею отца. Горячие слезы омочили его лицо.

– Полно, Этти. Ты знаешь, я не люблю нежностей, особенно при посторонних людях.

И сэр Торнтон поспешно вытер мокрые щеки.

Глава II

Попутчицы

Поезд быстро катился по рельсам, а маленькая путешественница тихо плакала в уголке под своей креповой вуалью. Ее сердце было переполнено печалью и негодованием. Школьная жизнь, с ее строгими ограничениями и возможными

наказаниями, была ей отвратительна. Девочке казалось, что поезд несет ее из прежней вольной жизни в настоящую тюрьму, и тюрьму эту она заранее ненавидела всей душой.

Всего три месяца назад не было на свете девочки счастливее и жизнерадостнее Эстер Торнтон. У нее была мама, которая умело руководила своей живой и впечатлительной дочкой, добиваясь от нее любовью и лаской всего, чего хотела. Господь призвал к себе этого доброго ангела. Эстер и крошка Нэнси остались сиротами.

Между этими двумя девочками у Торнтонов были еще дети, но они умирали в младенчестве, уцелели только старшая да младшая.

Отец Эстер был человеком вполне порядочным, но слишком серьезным и необщительным. Не имея ни малейшего понятия о воспитании детей, он приходил в ужас от выходок своей старшей дочери: Эстер лазила по деревьям, рвала платья, скакала на его резвых лошадях. От наказаний, которыми отец старался обуздать своевольную девочку, пользы не было. Убедившись в том, что его воспитательные меры не исправляют Этти, он решил поместить ее в один из первоклассных пансионов. Туда-то и ехала теперь Эстер.

Маленькое сердечко ее возмущалось и негодовало; в особенности тяжело ей было вспоминать прощание с отцом. Нет, она не будет умницей, не станет прилежно учиться и не явится домой с наградою, чтобы на нее смотрели как на самую заурядную девочку. Она не хочет быть благовоспитанной. Она останется прежней взбалмошной Этти – и когда отец увидит, что школа не исправила ее, он оставит ее дома. А дома будет крошка Нэнси и воспоминания о покойной маме.

Впечатлительной Этти были свойственны сильные чувства. После смерти матери она почти не упоминала о ней, и когда отец заговаривал о покойной жене, Этти убегала из комнаты. Крошка Нэн была единственным существом, при котором она решалась произносить дорогое ей имя.

Когда Нэн молилась, Этти учила ее вместо обычного «помяни Господи» говорить: «благодарю тебя, Господи, что ты обратил мою маму в прекрасного ангела». Нэн спрашивала, что такое ангел, и Этти со слезами на глазах объясняла ей, как умела. Однажды она показала малышке картинку, на которой был нарисован ангел в белоснежной одежде. Нэн так понравился этот ангел, что она захлопала в ладоши и закричала:

– Нэн тозе будет ангел, как мама! Да, Этти?

Впрочем, подобные разговоры случались нечасто, а в последнее время и вовсе прекратились, так как спустя три месяца Нэн, которой было всего два с половиной года, совсем позабыла мать.

Наплакавшись досыта под вуалью, Этти принялась рассматривать своих попутчиц. С ней ехали две худенькие пожилые леди, которые старательно кутали ноги в пледы. Они в свою очередь наблюдали за Эстер. Одна из них предложила Этти бутерброд, от которого девочка, хоть и была голодна, отказалась – отчасти из гордости, отчасти из застенчивости.

– Может быть, вы предпочитаете пирожное, моя дорогая? – продолжала добродушная старушка. – У сестры в корзинке превкусные бисквиты. Хотите попробовать?

Этти застенчиво согласилась, и бисквит очутился у нее в руках. Мало-помалу девочка приободрилась и, откинув вуаль, стала посматривать в окно.

– Вот так лучше, – проговорила все та же милая леди. – Идите-ка на эту сторону, дорогая. Мы скоро будем проезжать красивые места, отсюда вам будет лучше видно. Кстати, и корзинка сестры Агнес стоит тут: если вам захочется перекусить, нужно лишь протянуть руку.

– Благодарю вас, – ответила Эстер на этот раз гораздо приветливее. – Пирожные очень вкусные. Нэн такие очень любит.

– Кто такая Нэн? – поинтересовалась другая сестра, которой, собственно, и принадлежали бисквиты.

– Это моя маленькая сестричка, – грустно вздохнула Эстер.

– Ах, так это о ней вы так плакали, – сказала первая старушка, взяв Эстер за руку. – Не обращайте на нас внимания, деточка. Мы в жизни видели много слез. Это самая обыкновенная вещь в нашем мире, в особенности для женщин. Так естественно, что вы плакали о сестричке. Если бы мы только могли послать ей пирожных, раз она их так любит! Вы надолго расстаетесь с нею, дорогая?

– О да, на многие месяцы, – ответила Эстер. – Я не знала, – прибавила она, – что слезы такая обыкновенная вещь. До сих пор мне почти не приходилось плакать.

– Ах, у вас было большое горе, бедное дитя! – заметила женщина, оглядывая траурное платье Этти.

– Да, оттого я и плачу так часто; но, пожалуйста, не будем говорить об этом.

– Хорошо, хорошо, милочка, – согласилась мисс Агнес, не менее словоохотливая, чем ее сестра. – Мы поговорим о чем-нибудь более веселом. Джейн правду говорит, что в жизни много слез, но зато в ней много и радостей, и веселого смеха, смеха молодости, дитя мое. Вот и теперь, вероятно, вы едете навестить какую-нибудь старую тетушку или подругу, которая ждет вас с нетерпением.

– О нет, нет. Я еду в ужасное место, и от одной мысли об этом, не говоря уже о разлуке с Нэн, я готова плакать. Я еду в тюрьму; да, в тюрьму.

– Боже мой! – воскликнули испуганно попутчицы.

– С Джейн чуть не сделалось дурно, – отметила мисс Агнес. – Да, Джейн, я вижу: у тебя опять участился пульс. Ничего, дорогая, не пугайтесь; это с ней часто бывает. Но я думаю, вы пошутили, упомянув о тюрьме. Конечно, вы пошутили! Ведь если бы вы действительно направлялись в такое ужасное место, при вас был бы полицейский. Вы просто любите сильные выражения, милочка, как многие в ваши годы.

– Конечно, это так только говорится, – пояснила Этти, смущенная волнением и испугом старушек. – Это такое страшное слово, не правда ли? То, что я называю тюрьмой, папа называет школой. Неудивительно, что я плачу. Что с вами?

Ее вопрос был вызван неожиданным поведением обеих дам. Встав со своих мест, они расцеловали Этти.

– Деточка! – вскрикнули они в один голос. – Мы очень рады! Вы так напугали нас сначала. Школа – совсем не то, что вы себе выдумали, дорогая. Ах, Джейн, мы с тобой никогда не забудем счастливых дней, проведенных в школе!

Мисс Джейн мечтательно вздохнула, и сестры принялись успокаивать Этти. Эстер неожиданно для себя сделала сразу несколько открытий. Оказалось, что пожилые женщины жили недалеко от той школы, куда направлялась она. Они были знакомы с директрисой, миссис Виллис, и знали двух или трех учениц. Сестры Брюс с таким воодушевлением говорили об этой школе, что Этти начала улыбаться и почти совсем успокоилась.

– Я рада, что вы будете близко! – сказала девочка с обычной своей искренностью. Добрые попутчицы окончательно покорили ее сердце.

– Мало того, дорогая, – продолжила мисс Джейн. – Мы будем посещать одну церковь и сможем видеться по воскресеньям. А потом, – она взглянула на сестру, – может быть, миссис Виллис позволит вам иногда бывать у нас.

– Я приду завтра, если вы позволите.

– Это будет зависеть от миссис Виллис, дорогая. Ах, вот, наконец, и Сефтон. До свидания. Увидимся в церкви в воскресенье!

Глава III

Лавандовый дом

Путешествие Эстер оказалось действительно удачным. Она привязалась к двум пожилым леди, которые были так добры к ней. В их глазах маленькая сиротка была почти героиней, и это льстило самолюбию Этти. Восторженные отзывы сестер Брюс о школе и школьной жизни навели девочку на мысль о том, что мрачная картина, которую нарисовало ее воображение, может иметь и другую,

более светлую сторону, поэтому будущее перестало казаться ей таким ужасным, как прежде.

Старушки сели в омнибус, который должен был доставить их в Сефтон, где у них был собственный домик. Школа находилась гораздо дальше, и омнибус туда не шел. За Эстер был прислан старомодный экипаж. Кучер поставил ее вещи наверх, сел на козлы, и лошадка, столь же дряхлая, как и повозка, затрусила по каменной мостовой Сефтона. Эстер снова овладело тоскливое одиночество. Время было зимнее, смеркалось рано, и, когда путники подъехали к школе, было почти совсем темно. Краснощекий десятилетний мальчик отворил ворота, а когда они вновь закрылись, Эстер почувствовала себя пленницей.

Экипаж катился по длинной аллее. В темноте ничего нельзя было различить, слышалось только шуршание ветвей по крыше кареты. Наконец лошадь остановилась. Старый кучер слез с козел и, отворив дверцы, помог маленькой путешественнице выйти.

– Пожалуйте, мисс, – сказал он ласковым голосом. – Пожалуйте, обогрейтесь. Ах, Боже мой! Вы совсем замерзли. Бедная маленькая леди!

Он позвонил у широких входных дверей. Тотчас же двери широко распахнулись. Эстер вошла.

– Приехала! Приехала! – послышались голоса, но, осмотревшись, Эстер никого не заметила, кроме опрятной служанки, которая приветливо ей улыбалась.

– Добро пожаловать в «Лавандовый дом», мисс. Пожалуйте на минутку в холл: здесь топится камин. А я доложу мисс Дейнсбери о вашем приезде.

Просторное помещение с мозаичным полом и светло-зелеными стенами, освещенное пылавшим в камине огнем, выглядело очень уютно. Но доносившиеся откуда-то голоса и таинственная мисс Дейнсбери, которая могла каждую минуту появиться, привели Эстер в такое смущение, что она дрожала как в лихорадке, и камин, возле которого она стояла, почти не согревал ее.

– Довольно высока для своих лет, но, кажется, гордячка, – сказал кто-то позади Эстер. Девочка испуганно оглянулась и очутилась лицом к лицу с благообразной, средних лет, особой и с хорошенькой девочкой, похожей на цыганку.

– Энни Форест, как вам не стыдно прятаться за дверь! Вы не имели права прийти сюда без разрешения. Я должна буду пожаловаться на вас, и непременно сделаю это. Вы потеряете два балла из поведения и, вероятно, должны будете переписать тридцать лишних строчек французских стихов.

– Нет-нет, вы не сделаете этого, миленькая мисс Дейнсбери, – затрещала маленькая цыганка. – Вы не столь жестоки. Поцелуйте меня, мисс Дейнсбери, и будьте великодушны!

И шалунья убежала.

– Какая ужасная, дурно воспитанная девочка! – вспыхнув, воскликнула Эстер. Никогда еще ей не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь отпускал замечания о человеке в его присутствии.

– Я надеюсь, что она будет строго наказана. Вы ведь не простите ее? – спросила Этти, от гнева растеряв свою обычную застенчивость.

– Полно, полно, милочка, всем нам следует быть снисходительнее друг к другу, – кротко возразила мисс Дейнсбери. – Жаль, что меня здесь не было, когда вы приехали; тогда этого досадного недоразумения не приключилось бы. Энни Форест не хотела вас обидеть. Она взбалмошная, но добрая девочка. Вы со временем полюбите ее. А теперь пойдемте в вашу комнату. Через пять минут позвонят к чаю, вам нужно подкрепиться.

Эстер последовала за классной дамой через холл, затем наверх по широкой, покрытой ковром лестнице. Они поднялись на второй этаж и остановились на площадке. Мисс Дейнсбери сказала:

– Видите эту дверь, дорогая? Она ведет в школьное помещение. По ту сторону – квартира миссис Виллис, и воспитанницы не имеют права входить туда без позволения. Школьная жизнь кипит там, за этой обитой сукном дверью. И могу вас уверить, это счастливая жизнь для девочек, которые хорошо ведут себя. Теперь поцелуйте меня, дорогая, и будьте в «Лавандовом доме» как дома.

– Вы, вероятно, учительница старших классов? – спросила Эстер.

– Я? О, нет. Я преподаю в младших классах английский язык и наблюдаю за порядком. Я люблю детей, моя девочка, и они это знают. Когда с ними случается какая-нибудь беда, они тотчас бегут ко мне. Но не будем терять времени, дорогая, пойдем в вашу комнату, а потом – к чаю.

Мисс Дейнсбери открыла обитую сукном дверь, и Эстер очутилась совсем в ином мире. По ту сторону двери все было нарядным, даже роскошным; по эту сторону – совсем просто: узкие коридоры, голые стены, некрашеные полы без ковров; но вокруг царила удивительная чистота.

Мисс Дейнсбери провела Эстер по коридору мимо нескольких запертых дверей, за которыми слышались разговоры и смех, и, наконец, остановилась у двери с номером 32.

– Вот ваша спальня, милая. Эту ночь вы проведете здесь одна, а завтра приедет ваша соседка, Сьюзен Драммонд. Миссис Виллис уже получила телеграмму от ее родителей.

Насколько неприглядны были коридоры, настолько комнатка № 32 была мила и уютна. Пол был покрыт зеленым сукном, на окне висели занавеси, вдоль стен стояли две неширокие, но опрятные кровати. Возле каждой располагался комод красного дерева, а в углах – два умывальника. В эркере уместилась пара туалетных столиков. В камине весело потрескивал огонь.

– Теперь это ваша комната, милочка. Вы приехали раньше, поэтому можете выбрать себе кровать и комод. Элис потом разложит ваши вещи и уберет сундук. Пригладьте волосы и вымойте руки; я скоро приду за вами.

Глава IV

Маленькие «уголки» и мелкие ссоры

Через пять минут мисс Дейнсбери вернулась и повела Эстер в столовую.

Они спустились по широкой, не застеленной ковром лестнице и остановились в дверях столовой, откуда слышались звонкие голоса.

– Я представлю вас подругам, а затем провожу к миссис Виллис. За чаем ее не бывает. Председательствуют мисс Гуд или мадемуазель Перье.

– Пожалуйста, позвольте мне сесть возле вас, – взмолилась Эстер.

– Этого нельзя, дорогая. Я присматриваю за маленькими, а они сидят отдельно. Теперь пойдемте. Ваше смущение тотчас же пройдет, вот увидите.

Не тут-то было. За всю жизнь Эстер не смогла забыть того страха, смущения и неловкости, которые овладели ею в длинной, ярко освещенной столовой. Сорок пар глаз были устремлены на нее, пронизывая, будто раскаленными лучами. Она готова была убежать и спрятаться; но вместо этого очутилась, сама не зная как, на конце стола, возле милой девочки с кроткими манерами. Этти машинально ела хлеб с маслом и глотала горячий чай, едва сознавая, что? она ест и пьет. Жужжание голосов и разговор по-французски, беспрестанно прерываемый замечаниями и поправками мадемуазель Перье, доносились, как казалось Эстер, откуда-то издалека. Голова ее кружилась, глаза отяжелели; утомленная застенчивая девочка чувствовала, что силы покидают ее.

Впоследствии, с удовольствием и любовью вспоминая о времени, проведенном в «Лавандовом доме», Эстер Торнтон не раз удивлялась тому ужасу, который испытала в первый день. Но впечатление было столь сильным, что она не могла его забыть, даже когда каждый уголок милого дома, где протекла ее юность, стал ей знаком до мельчайших подробностей.

В тот вечер, когда она, сидя за столом, в полубессознательном состоянии грызла черствый невкусный кусок хлеба с маслом, сидевшая рядом девочка положила ей на тарелку свежий, только что отрезанный ломтик, шепнув при этом:

– Ешь это, остальное несъедобно. Как не стыдно мисс Перье угощать такой гадостью новенькую!

– Мадемуазель Сесиль, вы нарушаете порядок, вы говорите по-английски, – затараторила француженка, сидевшая во главе стола. – Вы теряете один балл.

Соседка Эстер склонила голову в знак покорности, а Этти, взглянув на нее украдкой, заметила, как она вспыхнула.

Это была самая обыкновенная девочка; но выражение ее лица было так кротко, а взгляд карих глаз столь приветлив, что Эстер, несмотря на свою застенчивость, почувствовала к ней симпатию. Она поняла, что соседка отдала ей свою порцию, и немало удивилась, заметив, что она ест хлеб лучшего качества, чем остальные воспитанницы.

Эстер понемножку ободрилась и стала украдкой разглядывать воспитанниц. Но, неожиданно встретив пристальный, испытующий взгляд той девочки, которая ее так поразила в холле, Этти опустила глаза и снова замкнулась в себя. Между тем веселые глаза похожей на цыганку девочки продолжали лукаво посматривать на новую подругу, кудрявая головка приветливо кивала, но Этти сохраняла неподвижность статуи. Ни за что на свете она не ответила бы на поклон человека, которого считала ниже себя.

После чая была прочитана молитва, и воспитанницы друг за другом стали чинно выходить из столовой. Эстер поискала глазами приветливую мисс Дейнсбери, но ее нигде не было видно.

– Полчаса мы можем говорить по-английски, – сказала соседка Этти, дотронувшись до ее руки, – и большинство девочек идут в рекреационную залу[3 - В учебных заведениях так называлось помещение, в котором учащиеся проводили свободное от занятий время, зала для отдыха.]. Там мы садимся вокруг камина и рассказываем друг другу разные истории. Хочешь пойти со мной?

– Хорошо, я пойду, – ответила Эстер, стараясь улыбнуться.

Сесиль взяла ее под руку и через просторный холл ввела в рекреационную залу. Такой большой комнаты Эстер еще не приходилось видеть. Зала была так велика, что два больших камина, топившихся по обоим концам, едва нагревали ее. Массивные висячие лампы давали достаточно света; пол был покрыт матами.

Часть залы была разделена легкими перегородками и драпировками так, что получились небольшие помещения.

– Вот мой уютный «уголок», – сказала Сесиль. – Мы посидим здесь. Видишь, каждая из нас в своем «уголке» хозяйка. Мы можем развесить здесь фотографии, картины – все, что хотим. Тут у нас есть и рабочие столики. Остальная часть залы – общее достояние. У того камина, ближе к двери, располагаются младшие девочки. Мы, старшие, пользуемся камином в этом конце залы. Ты, верно, будешь с нами? Сколько тебе лет?

– Двенадцать.

– Тогда, конечно, ты будешь на нашей половине.

– И у меня тоже будет свой «уголок»? Как славно придумано! Я бы хотела быть по соседству с вами, мисс…

– Темпл. Но зови меня просто Сесиль. Да, ты спрашивала о наших гостиных. Мы зовем эти «уголки» гостиными. Поначалу гостиной у тебя не будет, потому что ее нужно заслужить. Но я буду часто приглашать тебя к себе. Не правда ли, здесь мило? Жаль, что у меня только одно кресло; на сегодня я уступлю его тебе, а сама сяду на табурете. Я коплю деньги, чтобы купить другое кресло, и Энни обещала его обить.

– А кто эта Энни, служанка?

– Нет, что ты! Наша милая Энни Форест – одно из прелестнейших созданий «Лавандового дома». Она, бедняжка, часто попадает впросак, но мы, если получается, выручаем ее. Едва ли ей удастся когда-нибудь заслужить «уголок», но мы любим ее, и каждая из нас всегда рада пригласить Энни к себе в гостиную. В целом свете нет существа веселее и забавнее!

– Мне она совсем не нравится. Такая грубая и неуклюжая…

Сесиль Темпл, поправлявшая в это время темно-зеленую скатерть с искусно вышитыми по ней цветами, обернулась и пристально посмотрела на новенькую.

– Не надо делать слишком быстрых выводов. Энни Форест любит вся школа, даже учительницы, которым приходится часто ее наказывать. Чем она могла тебя обидеть?.. Тише, тише – вон она сама.

Из холла послышались звуки веселой песни, дверь с шумом отворилась, и Энни Форест вступила в рекреационную залу. На обоих ее плечах восседало по маленькой девочке.

– Держись крепче, Дженни! Обними меня за шею, Мэйбл! Ну, теперь поскачем вокруг залы. Чур, два раза, не больше. У меня, кроме вас, есть и другие дела.

Дважды обогнув залу под громкие возгласы и аплодисменты, Энни наконец спустила девочек на пол. Младшие дети окружили ее, цепляясь за платье. Всем хотелось покататься. Энни с трудом отделалась от малышей, перепрыгнув черту, заходить за которую тем было запрещено.

Пока не появилась Энни, в зале царили относительная тишина и порядок. Девочки ходили группами и поодиночке; болтали, смеялись, но в целом вели себя довольно сдержанно. Приход Энни вызвал шум и суматоху.

– Энни, иди скорее сюда!

– Энни, душечка, что ты думаешь по этому поводу?

– Энни, моя прелесть, расскажи мне про твою последнюю проказу!

Наскоро перецеловав нескольких из своих поклонниц, Энни направилась в «уголок» Сесиль Темпл.

– Сесиль ждет меня, мои дорогие, – объявила она. – У ее священного очага теперь восседает чужестранка.

И с громким смехом она вбежала в «уголок» Сесиль.

– О, дорогая чужестранка! – начала она торжественным тоном, глядя в упор на Эстер. – Я чуть не пострадала от желания поскорее тебя увидеть. Говорила ли она тебе, Сесиль, на что я отважилась ради нее? Я осмелилась переступить священную черту и проникнуть в парадный холл. Бедняжка! Как она подпрыгнула, услыхав мой голос. А мисс Дейнсбери тут как тут. Представь, она чуть не плакала, когда ей пришлось на меня пожаловаться. Но для мисс Дейнсбери долг превыше всего, и я уважаю ее за это. Мне пришлось выучить

двадцать строчек этих ужасных французских стихов. Брр… Противно даже думать об этом. Я чувствую, что выкину какую-нибудь штуку. Да-да, Сесиль, непременно выкину! Я забежала только затем, чтобы поздороваться с мисс Торнтон, потом я должна засесть за стихи. Воображаю, как я буду их учить! Приветствую тебя, мисс Торнтон. Смотри на меня как на союзницу, и если в твоем сердце есть хоть капля чувства, ты пожалеешь бедную девочку, пострадавшую из-за тебя с первых минут твоего пребывания в этом святилище.

– Я вас не понимаю, – подчеркнуто холодно ответила Эстер, – и нахожу, что вы были очень грубы и неделикатны, отпуская замечания на мой счет в моем присутствии.

– Боже мой, я только сказала, что ты высока для своих лет и довольно надменна. Ведь это правда!

– Все-таки это было неделикатно, – настаивала Эстер, стараясь скрыть слезы.

– Я, право, не хотела тебя обидеть. Дай мне руку, и будем друзьями.

Но Эстер вовсе не желала примирения. Она сделала вид, что не заметила протянутой руки, и отвернулась.

– Не обращай внимания, – шепнула Сесиль Энни.

Но любимица школы не привыкла к такому обращению. Она густо покраснела и, вызывающе взглянув на Эстер, затянула какую-то залихватскую песенку и оставила «уголок».

Девочки, ставшие свидетельницами этой сцены, начали перешептываться друг с другом.

– Она недобрая. Она не захотела протянуть руку Энни; подумай – нашей Энни!

Глава V

Директриса

Едва успела Энни Форест выйти, как появилась мисс Дейнсбери и пригласила Эстер следовать за ней к миссис Виллис. Бедная дикарка была рада уйти от своих сверстниц, которые теперь, наверное, осуждали ее. Она слышала их перешептывание и со страхом думала о своем поступке. Эстер была настойчива и упряма. Она всегда отстаивала свое мнение, и раз уж невзлюбила Энни Форест, решив, что это невоспитанная девочка, ей нетрудно было убедить себя в том, что и ее покойная мать не одобрила бы ее общения с подобной особой.

Эстер, следуя за мисс Дейнсбери, снова очутилась в парадном холле. Поднявшись по устланной ковром лестнице, учительница и ученица вошли в дверь, завешанную тяжелой плюшевой портьерой. Мисс Дейнсбери, сделав шага два, проговорила:

– Я привела Эстер Торнтон, миссис Виллис, как вы велели.

Учительница удалилась, а Эстер решилась поднять глаза и взглянуть на начальницу.

Высокая красивая женщина с серебристыми седыми волосами шла ей навстречу. Остановившись возле девочки, она положила руки ей на плечи и поцеловала в лоб.

– Твоя мать была одной из первых моих учениц, Эстер, – сказала она. – Ты на нее мало похожа, но все равно – ты ее дочь и потому близка моему сердцу. Пойдем к камину, дружочек, и поболтаем.

С этой милой женщиной Эстер почувствовала себя гораздо свободнее, чем с подругами. Обстановка комнаты напоминала ей будуар ее матери. Безукоризненное серое атласное платье директрисы и дорогие кружева также показались Этти знакомыми с детства, а сочувственный разговор о покойной матери окончательно покорил ее сердце и привязал его к начальнице. Миссис Виллис, несмотря на седые волосы, выглядела вполне моложаво, и Эстер не удержалась и пробормотала:

– Глядя на вас, я бы никогда не подумала, что вы были воспитательницей моей мамы.

– Мне шестьдесят лет, милочка, и я уже тридцать лет заведую школой. Твоя мать не единственная из моих учениц, дети которых у меня воспитываются. Сядь поближе, поговорим о твоей семье. Твоя мама… Ах, бедная моя девочка, я вижу, что тебе тяжело говорить. Дочь Элен должна глубоко чувствовать. Да-да, оно так и есть. В другой раз мы еще поговорим об этом. А теперь расскажи мне о твоем отце, о маленькой сестричке. Ты, может быть, не знаешь, что Нэн – моя крестница?

Начальница и ученица разговаривали долго. От обычной застенчивости Эстер не осталось и следа. Девочка всей душой тянулась к этой симпатичной женщине, которая знала, любила и воспитывала ее мать.

– Я постараюсь хорошо вести себя, – говорила Эстер. – Но мне кажется… О, не сердитесь, миссис Виллис, но мне кажется, я никогда не буду счастлива в школе.

– К школьной дисциплине надо привыкнуть, дитя мое; но благородным, мужественным девушкам это дается легко. И с каким удовольствием они вспоминают потом это время! Здесь особый мирок, в котором немало искушений, но зато сколько возможностей выработать характер и закалить душу. Из моих воспитанниц выходят хорошие девушки, и я уверена, что они здесь хорошо себя чувствуют. Главное правило «Лавандового дома» – серьезное отношение к занятиям. Мы серьезно работаем, серьезно развлекаемся. Свободное время проводи с самыми живыми и веселыми девочками, дитя мое. А учебное – с самыми прилежными и усидчивыми. Ты поняла меня, Эстер?

– Я стараюсь понять, но все это как-то странно.

– Так и должно быть сначала. Ты встретишь немало трудностей, но пусть тебя это не пугает. Если в тебе сильная душа, ты скоро отыщешь правильный путь. Скажи мне, дружочек, ты уже познакомилась с кем-нибудь?

– Да, Сесиль Темпл была очень добра ко мне.

– Она одна из лучших наших учениц. Постарайся подружиться с нею, Эстер. Она честная и добрая девушка. Я не ошибусь, если скажу, что у нее чуткое сердце.

– Еще одна девочка хотела познакомиться со мной. Но с ней я не должна дружить, не правда ли?

– Кто же это?

– Энни Форест. Она мне очень не нравится.

– Энни, всеобщая любимица? Ты скоро изменишь мнение о ней, я надеюсь. О, слышишь? Звонят к молитве! Пойдем в часовню, я представлю тебя мистеру Эвераду.

Глава VI

Я так несчастна!

На утреннюю и вечернюю молитвы в часовне школы собиралось около сорока или пятидесяти девочек различных возрастов. Эта часовня, заново отделанная, принадлежала ранее монастырю, на развалинах которого был выстроен «Лавандовый дом». Ее стены и готические окна с витражами уцелели от прежних времен. Благодаря приподнятым сводам и искусно рассчитанным пропорциям все сооружение выглядело величественным и внушительным.

Миссис Виллис любила свою часовню. Здесь, по ее мнению, воспитанницы получали наилучшие уроки, и не раз приходилось ей приводить сюда слишком строптивых питомиц для назидательной беседы. Каждый вечер, в девять часов, приходил местный викарий для совершения общей молитвы. Почтенный старец был истинным другом директрисы и считал ее воспитанниц важнейшими членами своей паствы.

В этот вечер Эстер вместе с другими девочками пришла в часовню. Смутное состояние, в котором находилась ее душа, и чувство тягостного одиночества особенно располагали к молитве. Когда стройный хор девичьих голосов пропел под звуки органа заключительный гимн, миссис Виллис взяла Эстер за руку и подвела к седовласому викарию.

– Вот моя, или, вернее, наша новая ученица, мистер Эверад. В ее воспитании вы будете принимать участие не меньше моего.

Взяв Эстер за руки, викарий повернул ее к свету.

– Лицо как будто знакомо мне. Виделись мы где-нибудь, дочь моя? – спросил он.

– Нет, сэр, – смутилась Эстер.

– Вы видели ее мать, – пояснила миссис Виллис. – Помните Элен Энстей? Она была вашей любимой ученицей много лет назад.

– Элен Энстей, конечно… Ее я не забуду никогда. Так вы ее дочь, дитя мое?

Но Эстер не слышала этих слов. Волнение и многочисленные впечатления трудного дня расстроили ее нервы. Ей показалось, что часовня и все присутствующие завертелись вокруг нее, и если она не потеряла сознания, то только благодаря тому, что нервный припадок разрешился слезами.

– О, я так несчастна, мне так плохо без мамы! – рыдала она. – Пожалуйста, прошу вас, не говорите о ней.

Эстер едва ли была в состоянии понять ласковые речи, с которыми обращались к ней викарий и миссис Виллис. Последняя расчувствовалась до того, что обняла и поцеловала свою воспитанницу, проявив тем самым нежность, не свойственную сдержанному характеру англичан.

Появившаяся мисс Дейнсбери отвела Этти в ее комнату, помогла ей раздеться и уложила в постель.

– Теперь, дорогая, съешьте немного горячей каши. Нет-нет, ни слова. Ведь я видела, что вы почти ничего не ели за чаем. Нервный припадок и чувство томления, которое вы испытываете, – в том числе и от голода. Я уверена в этом, дорогая. Поверьте мне, я знаю, что говорю. Ну, кушайте же. А теперь закройте глаза и постарайтесь заснуть.

– Вы очень добры ко мне, и миссис Виллис тоже. И мистер Эверад. Сесиль Темпл мне очень нравится, но… ах, как бы я хотела, чтобы Энни Форест не было в школе.

– Тише, тише, моя дорогая, я прошу вас. Мне очень грустно это слышать. Я уверена, что скоро вы будете думать иначе и полюбите нашу Энни.

Эстер промолчала, но по ее глазам видно было, что она остается при своем мнении.

Глава VII

Первый день в школе

Эстер Торнтон заснула со смутным ощущением того, что в школе, куда она попала, большого порядка нет, и каждый здесь делает, что хочет. Но после пробуждения от подобных мыслей не осталось и следа.

Утренние часы в школе были строго упорядочены. Громкий звонок разбудил Эстер, когда было еще совсем темно. Она вскочила и в испуге села в постели. Вошла опрятная горничная с кувшином теплой воды, зажгла свечи на камине и, объявив, что через полчаса будет другой звонок и что к семи часам девицы должны собраться в часовне, вышла.

Эстер достала из-под подушки свои хорошенькие золотые часики и тяжело вздохнула. Они показывали половину седьмого.

– Как рано они здесь встают, – проговорила она про себя. – Недаром я всегда думала, что школа – самое невыносимое место.

Минут пять понежившись в постели, Эстер встала и начала одеваться – довольно вяло и, по правде сказать, небрежно. Ко второму звонку одеться она все же успела, а вот помолиться – нет. «Это не беда, – подумала она, – ведь мы сейчас пойдем в часовню». Посещение часовни накануне вечером произвело на Эстер столь сильное впечатление, что теперь она шла туда с удовольствием и с тайной надеждой снова увидеть миссис Виллис и мистера Эверада. Викарий выказал ей так много участия и так сочувственно говорил о ее матери, что Эстер всерьез рассчитывала на то, что он пригласит ее провести денек в его семействе. Ей казалось, что мистер Эверад может иметь на нее хорошее влияние и вообще – если бы кто-нибудь, столь же необыкновенный, взялся руководить ею, она была бы способна выносить даже присутствие Энни Форест.

Девочки небольшими группами стекались в часовню, которая была так же ярко освещена, как и накануне. Эстер указали место на одной из задних скамеек. Она уже не занимала почетного места возле начальницы. Теперь она была одной из многих, на нее никто особенно не обращал внимания. Службу совершал помощник викария, молодой, несимпатичный священник. Мистера Эверада не было, а миссис Виллис прошла мимо Эстер, не заметив ее. Для мечтательницы это было не очень приятно, но дальше стало еще хуже.

Миссис Виллис остановилась возле Энни Форест и, положив руку ей на плечо, что-то шепнула девочке на ухо. Цыганское лицо Энни густо покраснело.

– Это для тебя же, дитя мое, – прибавила миссис Виллис.

Эстер услышала эти слова, и в ее душе против воли всколыхнулась зависть.

После молитвы девочки перешли в классную комнату и разместились по классам[4 - Во многих школах Англии несколько классов помещались в одной и той же комнате. Иногда их разделяла драпировка, иногда нет. Учащиеся, с ранних лет привыкшие к такому порядку, не отвлекались на уроки соседних классов.]. Эстер пока не прикрепили ни к одному классу, поэтому у нее было достаточно времени, чтобы предаться мрачным мыслям и помучиться ревностью по поводу Энни Форест, которой начальница отдавала заметное предпочтение. Так во всяком случае казалось Этти.

«Как только выносят эту шумную Энни мистер Эверад и миссис Виллис, которая сама – настоящая леди», – думала Эстер. Ее размышления были прерваны

резким замечанием француженки.

– Mademoiselle, почему вы ничего не делаете? Праздности здесь не терпят. Pardon, вы не понимаете по-французски. Вот вам легкий урок. Выучите его и не зевайте по сторонам.

Этти наградила француженку презрительным взглядом и молча раскрыла протянутую книгу.

В восемь часов подали завтрак, красиво сервированный и вкусный. Эстер к этому времени уже проголодалась и не смущалась, как накануне. Она сидела между двумя девочками, которые заговорили с ней очень приветливо, но Эстер отвечала неохотно, поэтому разговор не клеился.

После завтрака был получасовой перерыв в занятиях, и так как погода была сырая, девочки собрались в уютной рекреационной зале. Эстер поискала глазами Сесиль, та ответила ей приветливым взглядом, но в свой уголок не пригласила. Энни Форест в зале не было, и Эстер вздохнула с облегчением.

Эти полчаса показались новой ученице вечностью. Выросшее в благополучной семье балованное дитя, Эстер не пыталась понять окружавший ее мирок, все интересы школьниц казались ей чуждыми. Подруги нашли ее надменной, скучной и скоро перестали обращать на нее внимание. Ей хотелось поговорить с Сесиль, но та воспользовалась свободной минутой, чтобы написать письмо домой. Эстер надоело бродить одной, и она решила подойти к младшим девочкам.

В школе было от двенадцати до пятнадцати малышей. Эстер с любопытством к ним приглядывалась, стараясь найти хоть отдаленное сходство со своей сестренкой. «Они будут мне рады, – подумала она. – Малыши всегда приходят в восторг, когда старшие обращают на них внимание. Как они возились вчера с Энни Форест! Нэн ведь очень любит меня, и вообще дети понимают, с кем имеют дело».

Малыши играли на своей половине залы и шумели, как пчелки. Эстер любила детей. Некоторые из самых маленьких так напоминали Нэн, что сразу же привлекли ее сердце. Она присела на корточки и взяла в руки безголовую куклу.

– Я знаю девочку, у которой точь-в-точь такая кукла.

Несколько пар глаз с любопытством уставились на нее.

– Бедная куколка сломалась, – объявила одна девочка с глубоким огорчением.

– Ты все ломаешь, Мэг, – заметила пятилетняя сестренка собственницы куклы, а потом обратилась к Этти. – Пожалуйста, расскажите нам про девочку, у которой такая же безголовая кукла.

– Она отвезла куклу в лазарет, – улыбнулась Эстер, – там кукла поправилась и стала лучше прежнего.

Это сообщение крайне заинтересовало публику. Эстер с любовью глядела на Мэг, большие черные глаза которой так напоминали ей Нэн. Но тут дверь с шумом распахнулась, и веселый голос запел:

Волшебница-царица сейчас ко мне пришла,

Гостинцев умным деткам с собою принесла.

В ту же минуту дети дружно вскочили на ноги и захлопали в ладоши:

– Энни! Энни пришла!

Они бросились к своей любимице, а Эстер осталась в одиночестве с безголовой куклой в руках. Вспыхнув с досады, она не заметила устремленный на нее торжествующий взгляд черных глаз. Взяв какую-то книгу, Этти села в угол, стараясь сдержать готовые хлынуть слезы.

Наконец томительные полчаса перерыва кончились, и старшие девочки под предводительством мисс Дейнсбери вернулись в классную комнату. Начались серьезные занятия. Интересно было бы проследить за выражением молодых лиц, склонившихся над столами. Все ученицы прилежно занимались своими делами, дисциплина была образцовой.

Эстер в большом смущении осталась стоять, не зная, что ей делать. Она уже собиралась тихонько сесть на стоящий неподалеку стул, как мисс Дейнсбери подошла к ней:

– Следуйте за мною, мисс Торнтон.

Они пересекли длинную классную комнату и, откинув тяжелую портьеру, вошли в кабинет, где за письменным столом сидела миссис Виллис. На директрисе вместо серого платья теперь было черное, поэтому, вероятно, она показалась Эстер гораздо строже, чем накануне. Она не протянула руки и не поцеловала Эстер, а деловым тоном произнесла:

– Мне нужно тебя проэкзаменовать, Эстер, и определить в соответствующий класс.

Эстер была способной девочкой, поэтому экзамен выдержала весьма достойно. Миссис Виллис осталась довольна ее познаниями в английском языке. Французский был плох, немецкий – удовлетворителен.

– Я довольна твоим общим развитием, Эстер, и мне кажется, ты одарена хорошими способностями, – сказала начальница. – Я попрошу мисс Гуд, нашу учительницу английского, отвести тебя в третий класс. Однако тебе придется поработать над своим французским. Мадемуазель Перье добра и внимательна, она поможет тебе. Старайся больше говорить по-французски, чтобы приобрести практику. А теперь, дружок, иди в класс.

– Позвольте мне остаться еще на одну минутку. Мне нужно вам кое-что сказать.

– Относительно уроков?

– Нет-нет. Я хотела…

– Тогда извини, дорогая. От восьми до половины девятого я в распоряжении моих учениц, если им нужно поговорить со мной. Но во время уроков можно говорить только об уроках. Ах, вот и мисс Гуд. Прошу вас, мисс Гуд, посадить Эстер Торнтон в третий класс. По английскому языку она вполне подходит, а что касается французского – я поговорю с мадемуазель Перье сама.

Эстер последовала за учительницей английского в классную комнату, заняла место в третьем классе за указанным ей столом и получила целую кипу новых книг. Шел урок истории.

Несмотря на недовольство начальницей, которая, как ей показалось, изменила к ней отношение, Эстер сумела обуздать свои чувства и держалась в классе с таким достоинством, что подруги стали уважительно поглядывать на нее. За историей последовала английская литература, здесь Эстер опять отличилась. Читали драму Шекспира «Юлий Цезарь», которую она раньше уже изучала с матерью.

Но когда наступила очередь языков, ее триумфу пришел конец. Ниже и ниже опускалась она во мнении своих сверстниц, по мере того как коверкала французские слова. Мадемуазель Перье, вспыльчивая француженка, покрикивала на нее, а ученицы хихикали. Эстер надеялась вернуть лавры на уроке немецкого языка, который ей нравился гораздо больше французского. Но от непривычных усилий голова у нее так разболелась, что больших успехов достичь не удалось.

В полдень уроки закончились. Мисс Гуд приказала воспитанницам одеваться и готовиться к прогулке.

Прогулка, длившаяся целый час, была тяжелым испытанием для Эстер. Нельзя было ни бегать, ни играть, ни говорить по-английски. Она так тяжело вздыхала, что другие, поглядывавшие на нее втихомолку, согласились с мнением Энни Форест: Торнтон действительно угрюмая и необщительная девочка.

За прогулкой последовал обед, потом получасовой перерыв и долгожданная усиленная болтовня на родном языке.

В три часа все опять собрались в классной комнате, но теперь девочек ждали занятия более приятные. На уроке рисования Эстер старательно срисовала старый дуб, надеясь получить похвалу учителя. Каково же было ее разочарование, когда тот, посмотрев рисунок, перечеркнул его карандашом крест-накрест:

– Я просил вас особенно не тушевать, мисс Торнтон. Ведь я объявил, что сегодня будет урок очертаний. Вы получили растушеванный рисунок только для того,

чтоб срисовать очертания. Разве вы не поняли?

– Сегодня первый день, как я здесь, – ответила совсем сконфуженная Эстер.

Учитель улыбнулся, и тем все кончилось.

Затем у Эстер был урок музыки. Учитель, маленький сухонький старичок, отличался изрядной раздражительностью, но так как Эстер играла неплохо, ей досталось всего несколько ударов по пальцам.

Потом пили чай, полчаса отдыхали и затем в течение двух часов готовили уроки на завтра. Эстер, решив стать выдающейся ученицей, прилежно работала. Даже в этот первый день, когда она чувствовала себя несчастной и смущенной, она не раз получала одобрение за быстроту мышления, смекалку и наблюдательность. Всем было ясно, что в будущем, когда она освоится и поймет, что от нее требуется, она будет учиться намного лучше.

Несмотря на усиленные занятия Эстер не могла не заметить, что Энни Форест целый день не показывалась. Ее не было ни в классе, ни в рекреационной зале. Когда часы пробили восемь раз, она вошла в класс и небрежно села на свое место в этом же третьем классе. Глаза ее были опухшими: по-видимому, девочка плакала. Когда ее соседка сочувственно и в то же время вопросительно на нее взглянула, Энни лишь печально покачала головой и ничего не ответила.

Воспитанницы получили по стакану молока и по куску хлеба с маслом. Потом мисс Дейнсбери спросила, не желает ли кто видеть начальницу перед молитвой. Эстер было вскочила со своего места, но тотчас же села обратно. Миссис Виллис обидела ее тем, что отказалась выслушать, когда она хотела с ней говорить. Самолюбивая девочка решила, что не будет надоедать директрисе.

– Значит, на этот раз никто? – спросила мисс Дейнсбери, заметив движение Эстер.

– Я иду, – заявила Энни Форест, поспешно поднявшись с места. – Вам не нужно, мисс Дейнсбери, показывать мне дорогу, я ее знаю.

Глава VIII

Ты слишком рано меня разбудила!

Когда после вечерней молитвы Эстер пришла в свою комнату, она обнаружила, что уже не является здесь единовластной хозяйкой. В одном углу валялся чулок, в другом – грязная туфля. На подушке, окруженная целой гривой рыжих волос, располагалась круглая, с веснушками, физиономия – и громко храпела.

Эстер остановилась в растерянности:

– Какой ужас! Она храпит. Я не смогу здесь спать!

Она стояла неподвижно и с комическим ужасом смотрела на это новое испытание. В довершение ко всему, новоприбывшая спала на ее постели. Полуоткрыв глаза, незнакомка тягучим голосом, несколько в нос, спросила:

– Ты моя новая соседка?

– Да, к сожалению.

– Пожалуйста, не жалей, милое создание. Сожалеть тут решительно не о чем. Я перестану храпеть, как только повернусь на бок. Но сначала я всегда лежу на спине – и храплю. О, не принуждай меня открывать глаза; мне вовсе не любопытно тебя видеть. У тебя такой грубый голос. Ничего, скоро ты ко мне привыкнешь.

Этти попыталась установить дистанцию и подчеркнуто холодно произнесла:

– Вы лежите на моей постели. Не угодно ли вам перелечь на свою?

– Ах, нет, мне здесь больше нравится. Я раньше на этой кровати спала. Комод я тоже переменила, надеюсь, тебе все равно. Пожалуйста, выставь мои грязные туфли за дверь и повесь чулки на спинку кровати. Я совсем позабыла о них и потеряю балл в поведении, если мисс Дейнсбери вздумает зайти. Спокойной ночи. Я поворачиваюсь на бок, больше храпеть не буду.

Круглое лицо теперь было видно в профиль. Эстер, зная, что мисс Дейнсбери непременно придет, чтобы посмотреть, потушены ли свечи, поспешила скорее лечь в постель. Что-то побудило ее, однако, исполнить просьбу соседки. Брезгливо, едва прикасаясь двумя пальцами, она взяла грязные туфли и выставила их за дверь.

Эту ночь Эстер спала лучше, и несносный звонок утром уже не испугал ее. Горничная пришла как обычно, принесла два кувшина теплой воды и зажгла свечи.

– Вы проснулись, мисс? – спросила она Эстер.

– Проснулась, – ответила Эстер почти весело.

– Прекрасно. Теперь мне надо разбудить мисс Драммонд, и это нелегкая задача. Если вам не трудно, мисс, окликайте ее, когда будете одеваться; то есть, это в том случае, если мне не удастся ее разбудить сразу.

Горничная подошла к кровати, где рыжеволосая девица лежала на спине и храпела.

– Мисс Драммонд, проснитесь. Уже половина седьмого. Пора вставать. Я принесла вам теплой воды.

– А? Что? Не надоедайте мне, Энн, я не буду сегодня ездить верхом. Подите прочь.

Все это новенькая говорила в полусне, а потом, засыпая окончательно, начала нести какую-то чепуху о собаках и лошадях.

– Я не лошадь, не собака и не Энн, – проговорила горничная с раздражением. – Вставайте, мисс. Право, я в жизни не видывала такой сони.

– Не надоедай мне! – мисс Драммонд повернулась к стене и захрапела громче прежнего.

– Ничего не поделаешь! – заметила горничная Элис, разводя руками. – Не удивляйтесь, мисс. Ведь каждое утро такая история. Из-за этого у нее никогда нет хорошего балла. Сейчас увидите, что будет.

Горничная взяла губку, обмакнула ее в холодную воду и выжала на лицо спящей. Средство подействовало. Соседка Этти раскрыла свои бесцветные глаза и спокойно проговорила:

– Благодарю вас, Элис, стало быть, я опять здесь, в этой противной школе.

– Спустите ноги, мисс Драммонд, иначе вы опять заснете. Теперь надо поскорее одеваться, чтобы не опоздать.

Эстер от души повеселилась во время необычной процедуры пробуждения. Она была уже почти одета, а соседка сидела на краю постели и смотрела на нее заспанными глазами.

– Так ты моя новая подруга? Вот оно что! Как тебя зовут?

– Эстер Торнтон, – ответила Этти с достоинством.

– А меня Сьюзен Драммонд. Можешь звать меня Сьюзи, если хочешь.

Эстер промолчала, а мисс Драммонд продолжала сидеть, покачиваясь.

– Вы бы лучше одевались, – решилась заметить Эстер, которой показалось, что удивительное создание заснет даже сидя.

Мисс Драммонд встрепенулась.

– Одеваться? Да-да, милое создание. Будь ангелом, подай мне платье.

– Где оно? – сердито спросила Эстер, которая вовсе не расположена была исполнять должность горничной.

– Вон там, на стуле, в этой грандиозной куче. Наверху плед. Ну, брось его мне! Я уж как-нибудь справлюсь.

Мисс Драммонд кое-как оделась. Даже после этого вид у нее был настолько непривлекательный, что Этти невольно осмотрелась, сравнивая себя с нею.

– Ну, наконец-то. Уф! – проговорила мисс Драммонд. – Какая скука одеваться. Одно утешение, что в часовне тепло. Я постараюсь спрятаться за кого-нибудь повыше ростом и назеваться всласть. И почему это людям не позволяют хорошенько выспаться? Не правда ли, странно?

Эстер надевала в это время чистый воротничок. Мисс Драммонд лениво следила за нею.

– Ах, ты мой кролик! – воскликнула она.

– Почему это я кролик? – сердито спросила Эстер.

– Потому, душечка, что ты на него похожа. Не сердись, моя радость. На Сьюзи Драммонд никто не сердится. Скажи-ка лучше, что было вчера на завтрак?

– Я не помню.

– Не помню! Скажите, пожалуйста! Не камешки ли с маслом? Скажи, по крайней мере, были ли яйца свежи, а кофе достаточно крепок? А масло? Первого или второго сорта? Завтрак для меня очень важен.

Эстер пыталась держаться отчужденно:

– Сегодня вы сами увидите, достаточно ли хорош для вас завтрак. Для меня он был хорош, но я не помню, что ела.

– О Боже! Она таки с душком, соседка-то моя. Попробовать разве, не смягчит ли ее шоколадная тянучка?

– Пожалуйста, не разговаривайте, я буду молиться, – сказала Эстер.

Встав на колени, она старалась сосредоточиться, прося у Бога помощи на текущий день. Как ни коротка была молитва, но она ободрила и успокоила девочку.

Прозвонили к молитве, и воспитанницы собрались в часовне. Все приветливо раскланивались с мисс Драммонд, у которой карманы как-то странно оттопыривались. Эстер с облегчением отметила, что ее соседка оказалась в другом классе, да и в столовой сидела поодаль.

После завтрака Эстер не сочла нужным примкнуть к какой-нибудь компании. Во время перемены она поудобнее устроилась в кресле и принялась читать. Вдруг целый поток леденцов посыпался ей на голову, на шею и на колени. Она с досадой вскочила, а Сьюзи Драммонд тотчас же плюхнулась на ее место.

– Спасибо, душечка, – проговорила она своим тягучим голосом. – Кушай леденцы и смотри на меня. Я сейчас засну. Толкни меня, когда покажется мисс Дейнсбери. О, фуй, маленький кролик! Не будь такой надутой. Соси леденцы – они смягчат выражение твоей рожицы.

С последними словами мисс Драммонд заснула.

Глава IX

Труды и забавы

Прошло несколько дней, и Эстер понемножку привыкла к школьной жизни. Она освоилась со школьными порядками и приобрела если не любовь, то уважение своих новых подруг. Она прилежно училась, делала большие успехи во французском языке и вообще оказалась способной; учителя и учительницы ее хвалили. Пробыв в «Лавандовом доме» две недели, Эстер стала находить, что сестры Брюс были правы, говоря, что школа – приятное место для некоторых девушек. Только не для нее, конечно. Она была слишком застенчива и необщительна, чтобы сближаться с подругами. Все их интересы были ей чужды. Она не умела приспосабливаться к обстоятельствам, не понимала наслаждения обмениваться мыслями и одолжениями, не могла пропустить без внимания

насмешливый взгляд или необдуманное слово. Все, что касалось уроков, она исполняла добросовестно; но в самом труднейшем уроке – выработке характера, для которого общество товарищей дает так много материала, – Эстер не делала ни малейших успехов. День ото дня она все более замыкалась в себя, избегая общества подруг, насколько возможно. Одна Сесиль Темпл ей искренне нравилась, и с ней Этти охотно разговаривала.

У миссис Виллис были собственные приемы воспитания, выработанные долгим опытом. Она применяла их в течение тридцати лет, и ни разу ей не приходилось жалеть об этом. Ее школа давала воспитанницам больше свободы, чем другие подобные учреждения. Девочкам позволялось болтать в спальнях, во время перемен за ними никто не следил, их писем не читали. Только ежемесячные официальные письма к родственникам начальница просматривала. Когда кто-то выражал удивление по поводу свободы, которой пользовались ученицы, миссис Виллис отвечала:

– Я убедилась, что гораздо лучше доверять воспитанницам. Если какая-нибудь девочка злоупотребит моим доверием, я попрошу родителей забрать ее и поместить в более строгую школу.

Способствовали такому воспитанию и те полчаса, которые директриса уделяла нуждающимся в откровенной беседе. В эти минуты миссис Виллис оставляла роль воспитательницы и становилась матерью. Она не бранила строптивых учениц, а лишь уговаривала их и убеждала. Если это не помогало, она прибегала к последнему средству: приглашался викарий. С девушкой, которая оставалась невосприимчивой к нежному материнскому внушению, должен был поговорить духовный отец. Но к такой мере прибегали редко.

– Ваше влияние должно быть господствующим, – говорил господин Эверад. – В исключительных случаях я поддержу вас, но, кроме вечерних молитв, моих уроков и воскресных проповедей, я не желал бы вмешиваться в ваши дела. Девочкам гораздо лучше иметь дело с вами.

Так думали и сами воспитанницы. Поэтому, когда начальнице приходилось раз или два в году приглашать для увещеваний викария, все пребывали в крайне подавленном состоянии и говорили об этом событии с нескрываемым ужасом.

Миссис Виллис делала все возможное, чтобы ее воспитанницы были счастливы и довольны. С этой целью и были устроены «уголки» в рекреационной зале.

– Для старших девушек нет большего удовольствия, как иметь собственный «уголок», – говорила она, – где каждая из них – полная хозяйка. Никто не смеет войти туда без ее приглашения. «Уголок» этот она может убрать по своему вкусу, разместить там все свои сокровища. Словом, этот «уголок» должен составлять как бы часть ее родного дома.

В рекреационной зале можно было устроить только двадцать «уголков», и заслужить их было нелегко. Высоких баллов по отдельным предметам было недостаточно, много зависело и от поведения. Мало того, нужно было отличиться чем-нибудь особенным. Определенных правил для этого не существовало. Миссис Виллис лично назначала «уголки», ее выбор нередко удивлял и самих избранных.

Получить «уголок» было трудно, но еще сложнее было его удержать. На это у начальницы тоже были собственные взгляды. Во время перерыва девочки иногда видели, как какая-нибудь «гостиная» очищалась от всех украшений, вещи уносились – и одна только провинившаяся знала причину такой перемены. Энни Форест за четыре года пребывания в школе, владела «уголком» в течение одного-единственного месяца. Она получила его в награду за самоотверженный поступок. Одна из младших воспитанниц однажды случайно подожгла свой передник. Старших поблизости не было, и девочки с криком побежали за помощью. Только Энни не растерялась и руками потушила огонь. Малышка была спасена, а Энни пролежала целую неделю в лазарете. Когда она вернулась в класс, ее встретили как героиню. Миссис Виллис поцеловала ее и наградила прехорошеньким «уголком», которым Энни владела не больше месяца.

Все воспитанницы «Лавандового дома» помнили это счастливое время. Свою гостиную Энни оформила в японском вкусе, так, как ей нравилось. В этом маленьком пространстве совершались всевозможные проказы, здесь был центр самого шумного веселья. Толпы девочек постоянно вертелись около него, надеясь на приглашение. Избранных Энни угощала чаем из японского сервиза. Нечего и говорить, что внутри «уголка» царил полнейший хаос. Все кончилось, когда однажды Энни до того расшалилась, что опрокинула столик с японским прибором: посуда разбилась вдребезги, а чай и молоко пролились на пол. В этот же вечер миссис Виллис послала за Энни. От директрисы девочка вернулась с заплаканными глазами.

– Ну, мои дорогие, – объявила она подругам, – я не сумела достойно управлять своим царством, за что и была свергнута с престола. Увы, задача оказалась мне не по силам.

На другой день «уголок» был передан другой собственнице.

Воскресенья в «Лавандовом доме» считались самыми тоскливыми днями; но миссис Виллис, заботившаяся о том, чтобы ее ученицы не скучали, нашла средство и эти дни сделать приятными. Она целый день проводила с воспитанницами и была такой, как в вечерние получасы: простой, неофициальной – словом, доброй матерью. В эти дни она никого не бранила и не наказывала. Начальница обыкновенно усаживалась в кресло, малыши окружали ее, а старшие толпились неподалеку.

От милого и приветливого лица словно исходили лучи, согревавшие девочек. Директриса казалась воспитанницам олицетворением богини милосердия. Ее присутствия было достаточно, чтобы скучный праздник показался веселым. Только дети с дурными наклонностями продолжали дуться и выказывать недовольство.

Миссис Виллис обладала особенным умением направлять своих воспитанниц и пробуждать их энергию. В воскресенье не было ни уроков, ни наказаний. Девочки писали письма, читали, бродили по дому. Все двери были открыты, в том числе и личные апартаменты начальницы. Все предоставлялось в их распоряжение. Если погода была хорошей, воспитанницы ходили в церковь. В дождливые дни мистер Эверад служил в часовне.

Самым приятным был воскресный вечер, его старшие девочки проводили в гостиной миссис Виллис. Директриса много рассказывала и потом пела. В свои шестьдесят лет она сохранила чудный голос. Когда Этти в первый раз услышала ее пение, она не могла удержаться от слез. Только двое видели эти слезы – начальница и Энни Форест. Миссис Виллис приласкала девочку и шепнула ей несколько ободряющих слов. Энни Форест ничего не сказала, но подумала, что у новенькой, пожалуй, есть сердце, хотя она и смотрит букой.

Вечером директриса лично обходила все кроватки, целовала своих питомиц и благословляла на труд грядущей недели. Не раз эта материнская ласка пробуждала самые лучшие намерения, и если не все они тотчас же выполнялись,

то доброе семя было все-таки брошено и в конце концов приносило плоды.

Глава X

Разные разности

Впечатлительная и бурная Энни Форест, вне всякого сомнения, была любимицей школы. Она вечно попадала в разные переделки, тотчас же раскаивалась, но природа брала свое, и добрые ее намерения снова разлетались в прах. При всем том Энни была такая хорошенькая, такая милая, добрая, остроумная, веселая, что мало кто мог устоять против ее неотразимой привлекательности. Малыши просто обожали ее; девочки восхищались ее блестящими качествами, не замечая слабостей. Девушки постарше и поблагоразумнее старались ее сдерживать, но это не мешало им поддаваться ее обаянию, как и всем остальным.

Только Эстер не находила в Энни ничего привлекательного. Сразу же определив ее как дурно воспитанную девочку и немало подивившись ее несомненной популярности, она вздернула носик и решила, что такая мисс Форест не будет иметь на нее влияния.

Для своих двенадцати лет Эстер была очень наблюдательна и вдумчива. Не поддавшись чарам маленькой волшебницы, она видела ее недостатки яснее, чем другие. У блестящей, очаровательной Энни их было множество. Она была легкомысленна и непостоянна. Обладая горячим сердцем, своими необдуманными поступками она часто вовлекала в беду даже тех, кого очень любила. Энни обожала миссис Виллис и почитала ее выше всех на свете. Бывали минуты, когда она до того увлекалась, что страстно желала иметь возможность пожертвовать ради нее жизнью. Однажды во время болезни начальницы Энни просидела всю ночь на площадке около ее двери и сама сильно простудилась. Никакими силами девочку не могли увести с ее поста, пока ей не позволили наконец взглянуть на директрису, чтобы убедиться, что та вне опасности.

– Докажи мне свою любовь, Энни, иди вниз и не нарушай порядка, – проговорила миссис Виллис.

– Никогда в жизни я не нарушу порядка, миссис Виллис, только бы вам было лучше, – ответила девочка.

Она спустилась вниз с твердым намерением вести себя хорошо, но не прошло и часу, как уже была наказана за непослушание.

Однажды в среду, когда занятия продолжались только до обеда[5 - По средам и субботам занятия в школах Англии продолжались только до полудня. Такие дни назывались «полупраздниками».], Сесиль Темпл пригласила Эстер Торнтон и первоклассницу[6 - Первый класс в английских школах являлся старшим.] Дору Рассел в свой «уголок» на чай с шоколадными вафлями. Девочки сидели вокруг маленького столика на трехногих легких стульчиках и вели себя как благовоспитанные леди, когда из-за портьеры вдруг выглянуло лукавое лицо Энни, окаймленное легкими непослушными завитками.

– Мне позволено будет войти в святилище?

– Конечно, Энни, – приветливо ответила Сесиль, – я достану чашку и блюдечко, а чаю в чайнике еще достаточно.

Энни вошла и без церемоний уселась на пол, не обращая внимания на строгий взгляд Эстер и на ледяное выражение лица Доры. Вечно увлекающаяся Энни была всецело поглощена мыслью, которая пришла ей в голову. Она полагала, что следует сделать подарок миссис Виллис, и хотела знать мнение остальных по этому поводу.

– Я хочу сделать ей подарок через неделю, – с жаром объявила Энни. – Хотите присоединиться ко мне?

– Но ведь нет никакого повода для этого, – возразила Сесиль Темпл. – В будущую среду не будет ни дня рождения миссис Виллис, ни Рождества, ни Пасхи. Среда как среда, и ничего больше. С какой стати нам делать подарок миссис Виллис?

– Сегодня утром она была такая грустная! Право, ей будет приятно такое доказательство нашего внимания. Это бы ее утешило, я уверена.

– Фу, – скривилась Эстер.

– Как ты смеешь гримасничать, когда я говорю о нашей начальнице! – вспыхнула Энни, с негодованием глядя на Эстер своими большим глазами. – Сесиль, пожалуйста, преподнесем ей букет или какую-нибудь безделушку. Просто, чтобы она видела, как мы ее любим.

– Вы же первая ее и не любите, – оборвала ее Эстер.

Перчатка была брошена. Энни вскочила на ноги и осы?пала Эстер целым потоком колкостей. Эстер тоже не стала себя сдерживать и заявила во всеуслышание, что любовь доказывается не словами, а действиями; и если бы Энни хорошо училась и не отступала от правил заведения, этим она выказала бы гораздо более любви начальнице, чем ничтожными знаками внимания. Эстер говорила правду, но слова ее были резки; они уязвили Энни до глубины души. Из красной она сделалась совершенно бледной, и на глазах ее выступили слезы.

– А ты жестока, – проговорила она сдавленным голосом и, откинув портьеру, вышла из владений Сесиль в общую залу.

Оставшиеся девочки долго молчали. Эстер старалась уверить себя в том, что она была права, говоря с Энни в таком тоне, но в глубине ее души шевелилась жалость к этой девочке, лицо которой вдруг исказилось страданием. Она, присмирев, сидела с чашкой в руках на трехногом стуле, потягивая остывший чай.

Сесиль Темпл первая нарушила молчание.

– Как ты могла! – с упреком сказала она. – Руководить поступками Энни совсем непросто, да и не так надо исправлять ее. Миссис Виллис было бы очень неприятно, если бы она слышала твои слова. Ты слишком беспощадна. Я бы не хотела показаться невежливой, но мне нужно уйти. Я пойду поискать Энни.

– А я пойду к себе, – объявила мисс Рассел, вставая.

– Может быть, ты заглянешь ко мне вечером, после чая, – прибавила Сесиль, обернувшись к Эстер с приветливой улыбкой.

– Прости меня, – сказала Эстер, взглянув на подругу полными слез глазами. – Я совсем не хотела быть жестокой, но, право, смешно, что вы все так балуете эту девочку. Вероятно, за хорошеньким личиком не видны ее недостатки.

– Ты предубеждена против нее, Эстер, – кротко заметила Сесиль. – Ты сразу невзлюбила Энни. Не задерживай меня, я должна сейчас же найти ее. Боюсь, что твои слова наделали много вреда. Энни – особенная девочка. Если б ты знала все обстоятельства, то была бы к ней гораздо снисходительнее.

Она поспешно выбежала, а Эстер, оставшись в одиночестве, глубоко задумалась. Упрямая от природы, она вовсе не собиралась отступать от своего мнения, даже ради Сесиль Темпл. Тем не менее слова Сесиль произвели на нее впечатление.

Вечером, после чая, Сесиль вошла в свой «уголок» вместе с Энни. Обыкновенно бледное лицо девочки пылало, глаза горели. Она была чудо как хороша в эту минуту. Вся ее внешность выражала готовность на всякие проделки. Словом, девочка окончательно распоясалась. За чаем мадемуазель Перье беспрестанно покрикивала на нее по-французски. Энни тотчас же принимала вид кроткой овечки, но едва француженка опускала глаза, шалунья пускала в ход мимику, да так, что подруги с трудом сдерживали смех. Не раз она задорно взглядывала на Эстер, но, встретив ее взгляд, тотчас же напускала на себя показное равнодушие.

После чая Дора Рассел удивила всех своих одноклассниц. Она прямо подошла к Эстер и, взяв ее под руку, повела в свой «уголок».

– Должна сказать тебе, что я полностью согласна с твоим мнением относительно Энни Форест, – сказала Дора, когда они вошли в «уголок». – Ты очень смело говорила с ней сегодня. Вообще я не интересуюсь третьеклассницами и редко замечаю Энни Форест, но полагаю, что она действительно избалована и твой урок пойдет ей на пользу.

Такое одобрение со стороны старшей воспитанницы, гордой мисс Рассел, окончательно вскружило голову бедной Эстер.

– О, я так рада, что ты со мной согласна, – проговорила она, покраснев от удовольствия.

– Видишь ли, – прибавила она многозначительно, – дома я привыкла к самому изысканному обществу.

– Это заметно, – кивнула мисс Рассел.

– Я нахожу, что Энни дурно воспитана, и не понимаю, почему мисс Темпл так ее любит.

– О, Сесиль слишком добра, она во всех людях видит только хорошее. Энни, конечно, не дворянской крови. Наконец-то нашелся хоть один человек в школе, способный распознать это. Мне, первоклассница, конечно, нет никакого дела до мисс Форест, но я считаю, что миссис Виллис не совсем красиво поступает относительно своих воспитанниц, оставляя среди них девочку такого сорта. Я искренне сочувствую тебе, Этти, и приглашаю заглядывать в мой «уголок».

За портьерой послышался подозрительный шорох. Дора выглянула, но поблизости никого не оказалось. Все девочки, не обладавшие «уголками», столпились на другом конце залы, вокруг старшей ученицы Эммы Маршалл, развлекавшей подруг интересными рассказами.

Проговорив еще некоторое время, Эстер и Дора рука об руку вошли в классную комнату. Такое проявление дружбы со стороны старшеклассницы наполняло сердце Эстер гордостью.

Увидев эту пару, Сьюзи Драммонд, которая несмотря на возраст была только в четвертом классе, бросилась к Энни Форест и что-то шепнула ей.

– Точно, как я говорила! – прибавила она громко, из чего можно было заключить, что предмет разговора был ей небезразличен.

Энни дружески ущипнула ее за щеку, и Сьюзи вернулась на свое место, получив выговор от учительницы.

Мисс Рассел уселась со своим обычным важным видом. Она была неглупой девушкой, но тщеславной и благородством души не отличалась. В этом году Дора заканчивала обучение. Родители ее были богаты, и благодаря своему общественному положению Дора пользовалась в классе некоторым влиянием.

Никто ее особенно не любил, зато никто и не ненавидел. Класс с ней ладил, и для Доры этого было более чем достаточно: она была совершенно равнодушна и к похвале, и к порицанию. Она в большой мере обладала пагубным свойством, которое более всего отталкивает людей, а именно – эгоизмом.

Теперь она сидела за своим столом, даже не подозревая о том вреде, который нанесла Эстер своим необдуманным одобрением ее поступка. Впрочем, если бы она и знала об этом, все равно не изменила бы своего поведения. Просмотрев заданные уроки, она решила, что они не потребуют много времени, и, взяв книгу, искусно спрятанную под тетрадями, начала читать ее. Дора знала, что нарушает правила, но это ее не останавливало, поскольку по природе она была столь же легкомысленной, как и Энни, но далеко не так обаятельна.

Мисс Рассел отличалась большой аккуратностью. В ее столе царил безупречный порядок. Ее руки всегда были чисты, а волосы гладко уложены. Когда приготовление уроков закончилось, Дора сложила книги и тетради в стол и закрыла крышку. Эстер посмотрела Доре вслед, когда та выходила из классной комнаты, ожидая, что она на нее взглянет. Но мисс Рассел о ней уже забыла – ее внимание и похвала были мимолетными.

В этот вечер Сьюзен Драммонд вела себя в спальне очень странно. Куда только подевалась ее обычная слащавая любезность по отношению к Эстер! Сегодня она как будто не замечала соседку. А потом и вовсе приступила к каким-то непонятным приготовлениям.

– Что ты делаешь, Сьюзи? – поинтересовалась Эстер.

– А тебе что за дело? – мисс Драммонд раскраснелась от досады. – Иди на свое место и оставь меня в покое! Иначе я не успею сделать, что мне нужно, до того как мисс Дейнсбери придет гасить свечи.

Эстер нисколько не обидел такой ответ. Она с интересом наблюдала за Сьюзен, которая, сидя на постели, старалась соединить шнурком большой палец ноги с перекладиной кровати. Будучи довольно неуклюжей, девочка кряхтела, сопела и обливалась потом.

– Что ты такое делаешь? – смеясь, спросила Эстер.

– Ох, ты прямо шпионка! Я всего лишь хочу пораньше встать, вот и все. Когда я повернусь, шнурок дернет меня за ногу, и я поневоле проснусь. Если бы ты была добрее, я дала бы другой конец шнурка тебе, но с тобой это невозможно.

– Конечно, я не собираюсь утруждать себя, только чтобы разбудить такую соню. На твоем месте я бы больше рассчитывала на губку с холодной водой, чем на это сомнительное приспособление.

– А теперь я хочу спать, – отрезала мисс Драммонд. – Ложусь на спину и начинаю храпеть. Спокойной ночи.

Засыпая, Эстер слышала мычание Сьюзи. Очевидно, шнурок, привязанный к пальцу, беспокоил ее.

Этти спала крепко, как все девочки ее возраста. Но для всей школы было бы лучше, если б она бодрствовала. Увы, она не слышала, как среди ночи Сьюзен встала, завернулась в теплую шаль и выскользнула из комнаты. Вернулась она лишь спустя полчаса. Зато к утру мисс Драммонд спала так крепко, что даже мокрая губка не могла ее разбудить.

– Потяните за шнурок, Элис, – посоветовала Эстер горничной. – Она привязала себя за ногу к кровати. Дерните посильнее, может быть, подействует!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/elizabet-mid-smit/devichiy-mirok/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Детские комнаты в английских домах располагались, как правило, на верхнем этаже.

2

В Англии школами назывались все средние учебные заведения.

3

В учебных заведениях так называлось помещение, в котором учащиеся проводили свободное от занятий время, зала для отдыха.

4

Во многих школах Англии несколько классов помещались в одной и той же комнате. Иногда их разделяла драпировка, иногда нет. Учащиеся, с ранних лет привыкшие к такому порядку, не отвлекались на уроки соседних классов.

5

По средам и субботам занятия в школах Англии продолжались только до полудня. Такие дни назывались «полупраздниками».

6

Первый класс в английских школах являлся старшим.

Купить: https://tellnovel.com/elizabet-mid-smit/devichiy-mirok-istoriya-odnoy-shkoly-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити